

Дж. Холфорду, эсквайру¹

Дорогой Холфорд!

Когда мы виделись в последний раз, ты представил мне весьма подробный и интересный отчет о самых замечательных событиях дней твоей юности, предшествовавших нашему знакомству, и затем потребовал ответного доверия от меня. Но, будучи тогда не в настроении предаваться воспоминаниям, я уклонился под тем предлогом, что рассказывать мне нечего, подкрепив его прочими, столь же невнятными отговорками, сочтенными тобой несущественными, ибо, хотя ты тотчас же безропотно переменял разговор, нетрудно было заметить, что мой отказ глубоко тебя обидел: на лицо твое легло облако, омрачавшее его до конца встречи и, судя по всему, не рассеявшееся и донныне, ибо твои письма с тех пор отличает этакая горделиво-меланхоличная холодность и сдержанность, которые были бы простительны, если бы моя совесть убедила меня, что я их заслужил.

И не стыдно тебе, старина, в твоём-то возрасте? При том, что мы так давно и хорошо друг друга знаем, тем более что я представил тебе столько доказательств искренности и доверия и никогда не обижался на твою относительную скрытность и неразговорчивость? Но, вероятно, все дело в них: как человек по натуре необщительный ты, с твоей точки зрения, предъявил в тот памятный день беспримерное доказательство дружеского доверия — поклявшись, небось, впредь такого не повторять, — и счел, что я должен был без минутного колебания последовать твоему примеру и ответить на эту величайшую милость той ничтожной каплей откровенности, которую способен из себя выжать.

Но довольно об этом! Я взялся за перо не для того, чтобы тебя упрекать, не для того, чтобы оправдываться или приносить извинения за прошлые обиды, а для того, чтобы, по возможности, их загладить.

¹ *Эсквайр* (англ. *esquire*, от лат. *scutarius* — щитоносец) — титул, который в Англии присоединялся к фамилии земельного собственника.

Сегодня с утра льет проливной дождь, семейство мое отправилось в гости, а я сижу один в библиотеке, просматривая кое-какие старые письма и бумаги, тронутые тленом, и размышляю о прошлом, так что теперь мое умонастроение вполне подходит для того, чтобы развлечь тебя одной старосветской историей. И вот, убрав с каминной решетки свои изрядно прожарившиеся ступни, я развернул кресло к столу и, дописав эти строки, обращенные к сварливому старому другу, готов представить набросок — нет, не набросок, а полный и достоверный отчет о неких обстоятельствах, связанных с самым важным событием в моей жизни, по крайней мере, той ее части, что предшествовала знакомству с Джеком Холфордом, а когда ты это прочтешь, — пожалуйста, обвиняй меня в неблагодарности и в недружественной скрытности, если сможешь.

Я знаю и о твоём пристрастии к длинным романам, и о том, что ты, как и моя бабушка, ярый приверженец подробных и обстоятельных описаний, а посему щадить тебя не намерен, ибо меня сможет остановить лишь недостаток терпения или свободного времени.

Среди упомянутых мною бумаг и писем имеется мой старый, выцветший дневник; и пусть его наличие послужит тебе порукой, что я буду опираться не только на память — сколь бы цепкой она ни была, — дабы не подвергать твою доверчивость слишком суровому испытанию, когда ты, следуя за мной по пятам, будешь вникать в мельчайшие подробности моего повествования. Что ж, начнем, не откладывая, с Главы первой, ибо глав в этой истории будет много.

Глава I

ОТКРЫТИЕ

Мы должны с тобой вернуться к событиям осени 1827 года. Отец мой, как ты знаешь, был таким дворянином-земледельцем и хозяйствовал на ферме в графстве ***шир, так что я, по его настоятельной просьбе, подвизался вслед за ним на этом спокойном поприще, правда, без особой охоты, ибо честолюбие влекло меня к более высоким целям, а самонадеянность убеждала, что, пренебрегая его зовом, я зарываю свой талант в землю¹ и держу свой свет под спудом². Матушка изо всех сил старалась внушить мне, что я способен на великие дела, отец же, полагавший, что честолюбие — вернейший путь к гибели, а перемены суть то же разрушение, и слышать не желал ни о каких планах по улучшению моего положения или положения моих смертных братьев. Твердил, что все это вздор, и при последнем издыхании заклинал меня следовать старым добрым традициям, то есть идти по его стопам, как прежде сам он шел по стопам своего отца, а высшей целью поставить себе с честью пройти по жизни, не уклоняясь ни направо ни налево, и передать отцовские земли своим детям по меньшей мере такими же процветающими, какими он оставил их мне.

«Что ж, честный и трудолюбивый фермер — один из самых полезных членов общества, и если я посвящу свои таланты возделыванию собственных земель и улучшению сельского хозяйства в целом, то тем самым принесу пользу не только своим ближайшим родственникам и иждивенцам, но в какой-то мере и всему человечеству, а значит, проживу жизнь не зря».

Таковыми вот размышлениями я пытался утешить себя, шагая домой с полей в тот промозглый вечер на исходе октября. Но про-

¹ Отсылка к евангельской притче о талантах: «получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего», Матфей 25:18. [Здесь и далее ссылки на цитаты из Библии будут оформлены следующим образом: в кавычках приведен стих полностью, затем после запятой сокращенное название библейской книги, затем номер главы и через двоеточие номер стиха. При точной цитате дается только источник, при неточной цитате или отсылке — полный текст стиха.]

² *Спуд* (устар.) — сосуд или скрытое, потаенное место.

блески яркого пламени камина в окне гостиной гораздо быстрее подняли мне настроение и развеяли мои неблагоприятные сетования, чем все мудрые мысли и благие намерения, формулировать которые я отчаянно понуждал свой мозг; не забывай, тогда я был молод — всего двадцати четырех лет от роду — и не приобрел и половины того умения владеть собой, коим обладаю теперь, сколь бы ничтожно оно ни было.

Однако в этот уют блаженства нельзя было ступить, не сменив заляпанные грязью сапоги на пару чистых башмаков, а грубое верхнее платье на приличный костюм, что я и сделал, дабы предстать перед почтенным обществом в подобающем виде, ибо матушка моя, при всей ее доброте, была в определенных вещах весьма привередлива.

Поднимаясь в свою комнату, я столкнулся на лестнице с бойкой, хорошенькой барышней девятнадцати лет — миниатюрной круглолицей толстушкой со свежим румянцем на щеках, тугими блестящими локонами и озорными карими глазками. Нет нужды пояснять тебе, что это была Роза, моя сестра. Знаю, теперь она солидная матрона, но и в этом качестве, несомненно, остается в твоих глазах не менее привлекательной, чем в тот счастливый день, когда ты увидел ее впервые. Ничто не говорило мне тогда, что несколько лет спустя она станет женой человека, дотоле совершенно мне не известного, но коему суждено было стать мне гораздо более близким другом, чем она сама, и более задушевным, чем тот неотесанный семнадцатилетний верзила, что схватил меня за шиворот в коридоре у лестницы, едва не сбив с ног, и в отместку за эту дерзкую выходку удостоился крепкого тумака по своей дурьей башке, коей, впрочем, это наказание не нанесло серьезного увечья, так как, помимо необычайно толстого черепа, она была защищена густой копной коротких рыжих кудрей, которые матушка именovala золотисто-русыми.

Когда мы вошли в гостиную, почтенная хозяйка дома, по обыкновению, сидела в кресле у камина, ловко орудуя спицами, — она всегда коротала время за вязанием, если у нее не было других дел. К нашему приходу она вычистила камин и разожгла огонь, который теперь польхал ярким пламенем. Прислуга как раз внесла чайный поднос, а Роза достала сахарницу и чайницу из темного дубового буфета, поблескивающего в уютном полумраке гостиной, словно полированное черное дерево.

— А вот и они! — воскликнула матушка и обернулась к нам, не замедляя движения спиц, сверкавших в ее проворных пальцах. — Прикройте дверь и садитесь к огню, пока Роза заваривает чай, — проголодались небось? — а заодно расскажите, как прошел у вас день: я хочу знать, чем живут мои дети.

— Я выезжал серого жеребца — нелегкое это дело, — показывая пахарю, как лущить последнюю стерню на пшеничном поле, сам-то он не додумался, и разрабатывал план продуктивного поверхностного осушения лугов в низине.

— Молодец, сынок, славно потрудился! Ну а ты чем занимался, Фергус?

— Барсука травил.

И тут он принялся обстоятельно излагать подробности этой охотничьей забавы, сопоставляя повадки барсука и собак — каждого на своем месте — и восхищаясь их ловкостью и отвагой. Матушка делала вид, что увлечена рассказом сына, и следила за его оживленной мимикой с материнским обожанием, отнюдь не соразмерным, на мой взгляд, с его объектом.

— Пора бы тебе, Фергус, заняться чем-нибудь другим, — заметил я, уловив момент, когда случайная пауза в повествовании позволила мне вставить слово.

— А что я могу? — ответил он. — Маменька не пускает меня ни на флот, ни в армию, так что мне не остается ничего другого, как докучать вам до тех пор, пока вы не согласитесь на что угодно, лишь бы от меня избавиться.

Родительница наша ласково потрепала его по жестким кудрям. Он заворчал и напустил было на себя важный вид, но тут, повинувшись троекратному приглашению Розы, мы стали рассаживаться за столом.

— Ну, пейте чай, — проговорила она, — а я пока расскажу, как прошел день у меня. Я нанесла визит Уилсонам и тысячу раз пожалела, что ты, Гилберт, не пошел со мной, потому что там была Элиза Миллурд.

— И что с того?

— Да ничего! Я вовсе не о ней хочу рассказать, просто она милое, забавное создание, особенно когда развеселится, и я была бы не прочь назвать ее...

— Тише, тише, дитя мое! Твой братец ни о чем таком не помышляет, — прошептала матушка, погрозив ей пальцем.